

ЦВЕТОК ЗВЕЗДЫ

В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
её огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.
Тогда, склонясь над зыбкой глубию
ночной воды,
ладони свёл я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме крошечной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!

* * *

Ну вот, я пережил и это лето.
Теперь и осень как бы пережить...
Пусть за окном, померкшим до рассвета,
унылый дождик будет моросить.

Пусть ничего кругом не происходит,
дожди и ветры пусть одни шумят.
Для сердца есть покой в плохой погоде,
когда ничем не растревожен взгляд.

Пусть за окном дрожит и гнётся ива
под хмурым небом, от дождя темна.
Над ней ворона пусть летит лениво,
и лишь не шелохнётся — тишина.

Когда осточертеет всё на свете
и станет всё таким ненужным тут,
лишь ива за окном, лишь дождь и ветер
покинуть эту землю не дадут.

* * *

Вырвусь я в своём пророчестве
из тоски лихих годин.
Даже в полном одиночестве
я на свете не один.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,
предо мною — Матерь Божия
и спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
над застывшею строкой.
Есть мне с кем глазами встретиться
и к кому прильнуть душой...

* * *

Наверно, смешно и нелепо
в закатную верить зарю...
Смотрю на вечернее небо,
спокойно и долго смотрю.

Мне волосы ветер полощет,
и полнится взгляд синевою,
я вижу яснее и проще
прошедшее перед собой.

Ведомый велением вышним,
прорвал я соблазны греха.
Что было никчёмным и лишним, —
отсеялось, как шелуха.

Испытан земной маятою,
я с ней расквитался давно.
Всему пережитому мною
меня пережить суждено.

И вот, не забывший о многом,
судьбу разглядевший свою,
безропотно, как перед Богом,
под небом вечерним стою.

Внимаю сердечной надежде
на эту живую зарю,
с любовью, неведомой прежде,
в предвечное небо смотрю.

* * *

Пасмурный вечер, тяжёлые тучи,
трепет листвы на кустах...
Нет, мне уже никогда не наскучит
серая муть в небесах.
Ветер и дождь в среднерусской природе
грустному сердцу нужней,
в этой холодной ненастной погоде
легче ему и вольней.
Взгляд мой оживший спокоен и светел.
Сладостно дышится мне.
Скоро и сам я, как дождь и как ветер,
буду в родной стороне...

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Вместо речки — ручеёк,
продан детства дом.
И в окошке огонёк
скрыт глубоким сном.

Всё чужое: дом не тот,
и не тот забор,
пёс, рычащий у ворот,
и недобрый взор.

Здесь ли я играл в лапту
и гонял гусей?²
Здесь ли высмотрел мечту
жизни всей своей?²

Ухожу, и боль тоски
сердце бередит,
словно вслед из-под руки
бабушка глядит...

* * *

И сирень, и каштан расцвели под окном,
значит, жизнь повернулась на лето.
Я запью эту радость печальным вином
горьковато-усталого цвета.

Отчего же не радуется больше весна?²
Что случилось во мне и в природе?²
На каштанах и вишнях цветов белизна —
весть о скорой ненастной погоде.

Обесцветит ненастье сиреневый куст,
лепестки разлетятся по свету.
Снова сердце сожмёт непонятная грусть —
значит, время приблизится к лету.

В тополиной метели осветится взгляд,
устремлённый в небесную просинь.
И глядишь — одуванчики вдруг отгорят...
Значит, жизнь повернётся на осень...

* * *

Не грусти, ты был поэтом.
Это что-то в мире значит.
Жизнь твоя надежды светом
для отверженных маячит.

Что с того, что небо хмуро
и деревья клонит ветер...
Не гляди на мир понуро,
всё познав на белом свете.

Было трудно. Было горько.
Одиноко. Ну так что же?
Ведь в окне — сияла зорька,
и тебя — любили тоже...

И в любимом, влажном взоре
ярких звёзд играли блики...
Видел ты закат над морем,
журавлей ты слышал клики.

Всё равно настанет лето.
Всадник ветра прочь ускачет.
Оглянись: ты был поэтом.
Это в мире что-то значит...

* * *

Мир земной до странности жестоко
отовсюду гнал меня, кляня.
Было горько мне и одиноко.
Это ангел мой хранил меня.

Чтобы в мире грешном стать счастливым,
не истрачу я остаток сил.
Да, он был ко мне несправедливым.
Это значит — Бог меня любил.

* * *

Тонок сердца прерывистый стук.
Выпить водки с отчаянья, что ли?
Жизнь моя — как натянутый лук,
ни покоя не знает, ни воли.

Так до самого, друг мой, креста
эта жизнь пронесётся, как ветер.
Но в бесшумном паденье листа
смысла вечного больше на свете.

* * *

Своей привычки старой не нарушу,
уйду от грусти в тихий листопад.
Мне лишь природа успокоит душу,
и незаметно посветлеет взгляд.

Один в прохладном опустевшем парке
присяду над озёрною водой.

Закат осенний в облаках неярких
заронит в сердце временный покой.

И словно скажут мне для утешенья
травы, деревья, тёмная вода:
«Смотри на эту жизнь без сожаленья,
её не будет больше никогда».

Вослед за тихим голосом природы
я повторю себе и не себе:
за все под солнцем прожитые годы
будь благодарен Богу и судьбе.

И сколько б слёз ни пролил ты на свете,
какой бы горький ни проделал путь, —
ты жил на этой сказочной планете,
ты видел мир, который не вернуть.

Твоя печаль восполнится с лихвою
иною платой и теплом другим...
И если мир жестоким был с тобою,
то этим миром будешь ты любим.

СИРЕНЬ

Опадает сирень, исчезает...
И вернулись на миг холода.
Майский день, словно жизнь, угасает,
погружаясь во мглу навсегда.

И от сорванной ветки сирени
вечер в комнате дышит тоской.
На твои, дорогая, колени
я прилягу колючей щекой.

И такую почувствую нежность
в невесомой, в горячей руке!..
Всех остывших ночей безутешность
просквозит по шершавой щеке.

Просквозит и слезинкой истает
под теплом чуть дрожащей руки...
Отцветает сирень, облетает
в терпких волнах весенней тоски.

* * *

Как жалко летнего тепла!
Оно и коротко, и зыбко.
Июля яркая улыбка,
неторопливый плеск весла...

Цветы, цветы... Вечерний свет...
Высоких лип густые тени...
Влюблённых поцелуйный бред
и женщин смуглые колени...

Истает этот нежный день,
иссякнет трав благоуханье,
плаксивых туч немая тень
загасит озера сиянье.

И долгий холод, серый цвет
откроют нам свои объятия.
И клину белому вослед
с бывлой тоской взгляну опять я...

* * *

Осыпался жасмин, и лето поседело,
умолкли соловьи, пошёл на убыль день...
Опавший иван-цвет застыл осиротело,
и шепчет о былом угасшая сирень.

Как быстро жизнь течёт, как скоро отцветает!..
Мы со своей весной расстались насовсем...
Но где-то впереди нас тихо ожидает
остывшая любовь осенних хризантем...

* * *

Снова сердце радо зареву заката
и лесной рябины перезревшим кистям.
И опять бесцельно я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям.

Дни уходят в вечность. Где-то ждёт расплата.
Кто-то вслед с ухмылкой смотрит взглядом лисьим.
Но всю жизнь с надеждой я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям...

* * *

В Голицынском парке скамейки пусты,
в Голицынском парке — прохлада.
На клумбах широких сгорели цветы
в багряном огне листопада.

Аллеи безлюдны, качели — тихи,
устало-безмолвны деревья,
стада облаков, как немые стихи,
спешат в ледяные кочевья.

И вновь я простился с травой и листвой
и лету сказал: «До свиданья».
В Голицынском парке над хмурой водой —
небес и тепла угасанье.

Стою над водой, и не холодно мне,
и прежнего нет сокрушенья.
Угрюмому сердцу спокойно вполне.
Бесслёзны души сожаленья.

Дорога осенняя жизни моей,
недолгие годы земные
и сумрак остывших, увядших аллей
сошлись и слились, как родные.

* * *

Жёлтые бабочки в сером окне
трепетно кружатся, будто во сне.

Кто они? Что они? Отблески чьи?
Может, сгоревшие годы мои.

Может, мелькнувший из снов золотых
пепел угасших надежд молодых.

Может, забытые в сумраке дней
лица любимые жизни моей...

* * *

Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
В летящем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.

Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
её глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё ещё летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...

ПОЭТ

Бога об одной просил награде.
Ждал одной любви до седины.
Всё отдал, со всем расстался ради
высоты духовной глубины.

Этот свет сберёг в себе до гроба.
Были вопли недругов смешны —
не слышна была чужая злоба
в небесах духовной глубины.

Должен был и смог не оступиться,
встав на самом гребне крутизны,
чтобы не упасть и не разбиться
с высоты той самой глубины.

* * *

Покуда мать жива —
ты не один на свете,
и есть тебе к кому
приникнуть в горький час.
Пускай верны тебе
друзья, жена и дети,
но в жизни только мать
одна лишь не предаст.

Когда уходит мать,
душевного разлада
и с миром, и с собой
уже не избежать.
Слабеет свет в пути,
и рушится преграда
меж смертью и тобой,
когда уходит мать.

* * *

Птичий гомон весеннего леса,
ароматы листвы молодой...

Мчится с рёвом и свистом железа,
раскаляя асфальт под собой.

Жрёт железо и воздух, и сушу,
убивая и слух наш, и взгляд.

А соловушка трогает душу,
и берёзы о прошлом шумят...

* * *

Любовь несчастная моя...
Другой не будет.
В сетях земного бытия
кто нас рассудит?

Моя любовь казалась мне
тоской поэта.
И всё ж в душевной глубине
я ждал ответа.

«Нет, со своей тоской души
ты просто скучен.
Во мраке хохота и лжи
кому ты нужен? —
Себе внушал я, говоря:
— Не жди признанья.
Ты отдаёшь себя зазря
ей на закланье.
И безответны будут вновь
слова живые...»

Моя несчастная любовь...
Любовь к России.

ГОЛОС МОИХ ПРЕДКОВ

Это ж сколько ушло поколений
и сожглось отстрадавших сердец,
чтоб для ясных души озарений
я пришёл в этот мир наконец!
Чтобы эти души озаренья
воспылали из тьмы вековой,
чтоб убитые мраком забвенья
наконец встали рядом со мной.
Чтоб отважно, спокойно, сурово
голос предков из праха восстал,
чтоб заветное русское слово
я жестокому свету сказал.
Да, трудились они не напрасно
до меня на российской земле.
И страдали они не безгласно,
и не сгнули глухо во мгле.

* * *

Хмурое небо и смутное,
листьев летящая ржавь...
Горечь моя бесприютная,
ты уж приют мой оставь.

Нудная и неприветная —
наша сердечная связь.
Как сирота безответная,
слишком ты здесь прижилась...

Небо чужое и тёмное.
Долгие спазмы в груди...
И отвечает бездомная:
«Некуда больше идти...»

ПУШКИН

Летящий сквозь громады лет,
огнём небес отмечен,
поэт в России, он — п о э т,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальём по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блюде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течёт веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

* * *

Свободу завоёвывают кровью.
Не признаёт она иных щедрот.
Она своей безжалостной любовью
на пьедестал ведёт и эшафот.

Свободу завоёвывают кровью.
Глуха к словам без жертвы и борьбы,
она, как смерть, не поведёт и бровью
на уговоры, просьбы и мольбы.

Свободу завоёвывают кровью.
Подкожный страх пред нею изживи.
Цхинвал, Донецк, Луганск и Приднестровье
познали яд и мёд её любви.

Свободу завоёвывают кровью.
Когда остры глаза, сердца и слух,
ни жалам пуль, ни чёрному злословью
не победить в крови свободный дух.

Жестокий мир оваян русской новью.
За русский новый мир идёт война.
Свободу завоёвывают кровью —
и лишь тогда навек она верна.

МЕЧ И КАМЕНЬ

Тротил джихада и Дары волхвов...
Две веры, две надежды, две стихии.
Явления духа этих двух миров
слились в пространстве и в судьбе России.

Сошлись непримиримые миры,
как жизнь и ложь, как Истина и нежить.
Шахидки пояс и волхвов Дары...
И лишь одно из двух должно утешить...

Несовместимы пламя и вода.
Нас вновь столкнули и легко, и быстро.
Остра их вера, но у нас — тверда.
И меч о камень высекает искры...

* * *

И ныне Божий Сын унижен и распят.
«Что истина?» — спросил с усмешкою Пилат.

Философ, он не знал: она не «что», а «Кто».
Его глазам прозреть не помогло ничто.

Был в слепоте своей Пилат неумолим.
А Истина живьём стояла перед ним.

ПОБЕДИТЕЛЬ

...Дрожали языки огня,
и ночь застыла глухо.
«...Один из вас предаст Меня,
но вы крепитесь духом».

И было ждать совсем чуть-чуть
Земле, чтоб стать иною...
«...Я истина, и жизнь, и путь,
идите вслед за Мною».

Свет на лице. Чело в венце.
Веков минувших стержень.
«...Отец во Мне, и Я в Отце,
и Мною мир повержен».

Была святая ночь тиха.
Предатель время выждал.
Ещё до крика петуха
Пётр отречётся трижды.

Нет больше в мире ничего
до крайнего предела,
весь этот мир — лишь Крест Его,
лишь Кровь Его и Тело.

СЕТИ

Да, уже случилось это —
как в капкан, попались в сети
в лабиринтах Интернета
потерявшиеся дети.
Жалко их, в экран глядящих,
отшвырнувших все препоны,
по мобильнику галдящих
и уткнувшихся в айфоны,
их, из жизни многоцветной
в виртуальный мир ушедших,
под рекламой несусветной
в гости к дьяволу забредших.
Там их главные заботы,
там их чувства и признанья,
и соблазны, и полёты
в звёздный хаос мирозданья.
Этот век огнём окрашен,
век злословный, лжеобманый.
И уходят дети наши
в сон бездонно-заэкранный...

В ДЕНЬ АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ

Мороз пришёл и снег
в день Ангела-хранителя.
Холодный падал свет
с небес родной обители.

Мне было в нём тепло,
как под ладонью матери.
А время истекло
вином по белой скатерти...

Иссякли, пролились
деньки мои бедовые...
Душа взирает ввысь,
предвидя сны суровые.

И вот — холодный свет,
как шёпот Утешителя,
и этот поздний снег
в день Ангела-хранителя...

* * *

Каждый вечер яркая звезда
беспокойно светит мне в окно...
Лет моих минувших череда
предо мной промчалась, как в кино.

Я увидел всё, что позабыл,
не мечтая больше ни о чём.
Безвозвратно парус мой уплыл
за вечерний смутный окоём.

Вслед за ним уплыть я не смогу.
Здесь мой взгляд остался навсегда.
И на тёмном этом берегу
ярко светит мне в окно звезда...

* * *

То, что искал я везде безнадёжно
с горечью наедине,
мне оказалось найти невозможно
в этой людской беготне.

Где-то бесстрастно, беззвучно осталось,
с кем-то сошлось и срослось
то, что мне снилось, о чём так мечталось,
то, что, увы, не сбылось.

Верен своей нерастроченной лире,
смертью печать разомкну.
То, что всю жизнь я искал в этом мире,
там ли найду?.. Тишину.

* * *

Сидим, как на диванчике,
с дружкой на бережку.
В гранёные стаканчики
плеснули коньячку.

Не пьём давно, а хочется
по малому глотку...
И вот душа-пророчица
развеяла тоску.

И вот в кустах извивистых
защёлкал соловей.

И просит друг порывисто:
чуть-чуть ещё налей...

В глазах играют зайчики
у нас от коньяка.
Слепя, блестит мозаично
вечерняя река.

Не всё, мой друг, потеряно,
не всё у нас прошло...
Он смотрит неуверенно,
вздыхает тяжело...

Гранёные стаканчики.
Последний майский день.
Опали одуванчики,
осыпалась сирень...

ЖИЗНЬ

Я жил на белом свете
во времена лихие,
родившийся для смерти,
как многие другие.

Пускай счастливым не был,
но был храним судьбою.
Что я искал под небом?
О чём мечтал с тоскою?

Искал любви высокой,
мечтал о русской силе
и с горечью глубокой
я думал о России.

В стихи, в дела и в мысли
уйдут земные годы,
на звёздном коромысле
души сомкнутся своды.

С бытийной круговерти
сойду без шумной тризны.
Родившийся для смерти,
умру для вечной жизни.